

ЧЁРНАЯ ЖЕНЩИНА

Одна девочка по имени Нэйке была такая ленивая, что ночью ей лень было с боку на бок перевернуться. Проснётся утром, походит и снова ляжет. Позовут её в лес – ей страшно, на реку пошлют – холодно, подружки играть кликнут – скучно. А работать совсем не любила, даже за собой не убирала. Только кедровые орехи с утра до вечера щёлкала.

– Так всю жизнь прощёлкаешь, – говорили ей, но она никого не слушала.

Вот как-то весной, отправили Нэйке вместе со всеми бересту обдирать. Пока шли, она ныла, стонала, о корни деревьев спотыкалась, от паутины шарахалась, отставала, чтоб показать, как ей тяжело, да и заблудилась. Сколько ни искали её, не нашли.

И вот бредёт она одна сквозь чащи и буреломы, в какую сторону ни пойдёт, всё кажется, только дальше от дому уходит. Плачет, а идёт, на месте оставаться ещё страшней. Так она шла до позднего вечера, и вдруг оступилась и провалилась в яму. Пошарила вокруг руками, встала на ноги, осторожно на ощупь пробрела в одну сторону, в другую... Тут взошла луна и увидела Нэйке, что стоит на тропинке посреди широкой поляны. По этой тропинке дошла она до чужого стойбища.

Выбежали из чумов люди, обступили её, стали расспрашивать, кто она, и как здесь оказалась.

Рассказала Нэйке, как заблудилась и как в яму провалилась.

– Наверное, она, из среднего мира, – догадалась одна женщина. – Пусть поживёт у нас, а там видно будет.

Увела она Нэйке в свой чум, постелили ей новую циновку, и уложила спать. Попала Нэйке в большую семью, где кроме родных детей жила еще девочка сиротка. Мужчины ходили на промысел, женщины пищу готовили, одежду шили. Всё, как у обычных людей, только вот что странно: накроют на стол, наставят еды, рассядутся. На столе свежие лепёшки, горячая похлебка, строганина инеем дышит, в ковшах сладкие напитки и чистая родниковая вода. У Нэйке слюнки текут, есть хочется – сил нет. А они посидят, посидят, поглазеют на это изобилие, потом встанут, всё соберут да на улицу вывалят.

Когда Нэйке, впервые такое увидела, её узкие глаза круглыми стали.

– Зачем вы еду выбрасываете?!

– Придёт чёрная женщина, поест, - отвечают ей.

– Так вы же сами ничего не ели!

– А нам не надо – мы глазами едим.

Ничего не поняла Нэйке. Что за чёрная женщина, и как это можно глазами есть? В следующий раз, когда обедать сели, она изо всех сил таращилась, упирала взгляд то в мясо, то в рыбу, но всё равно голодной осталась.

Ночью не выдержала, когда все уснули, выбралась из чума, и начала прямо из кучи есть.

Торопится, глотает целые куски, и вдруг слышит:

– Что это ты делаешь?

Нэйке так и присела, от стыда лицо ладонями прикрыла.

– Неужели у вас обычай еду внутрь принимать? – допытывается хозяйка.

– Да, у нас такой обычай, – лепечет Нэйке.

– Чего только не бывает на свете... Ладно уж, ешь, коль у вас это принято.

С тех пор так и повелось: хозяйка вместе с домочадцами еды наготовит, все усядутся и сидят, а Нэйке одна за всех уплетает. Потом все посуду убирают, а Нэйке объелась, так что с места сдвинуться тяжело.

– Эй, Нэйке, ты почему нам не помогаешь? – спрашивают её.

А она совсем осмелела.

– У нас, - говорит, - такой обычай – ничего за собой не убирать и не мыть.

– Ишь, какие странные обычаи, – дивится хозяйка.

Нэйке и рада. Все работают – кто оленей пасёт, кто на охоту ходит, кто шкуры скребёт, кто одежку шьёт, кто еду готовит, одна она ничего не делает. Лежит целыми днями и орехи щёлкает. А орехи кончатся, она сиротку позовёт, та ещё принесёт. Скоро, как дома, начала вещи разбрасывать, скорлупу, сыпать где попало. И никто на неё за это не ругается – что поделаешь, если такие обычаи?

Но вот как-то на том месте, куда еду выбрасывали, развели костёр. Разгорелся огонь высокий, яркий: пожирает еду из кучи, алыми языками облизывается. А люди вокруг собрались, сидят, не двигаясь, только лица от огня прикрывают. Толкнула Нэйке сиротку в бок.

– Зачем вы лица прячете?

– Такой обычаем у нас. И ты тоже спрячь, чтобы чёрная женщина тебя не заметила.

А Нэйке давно уж хотелось посмотреть, про какую это чёрную женщину все толкуют. «У них свой обычай, а у меня свой», – подумала она и не стала лицо закрывать. Вдруг пламя на ветру дрогнуло, зашипело и, взметнувшись вверх, выбросило в её сторону целый сноп искр. Одна искра ей в лицо попала, щеку обожгла.

Вскрикнула Нэйке, вскочила. Тут и все, словно от сна очнулись, зашевелились разом, окружили её и говорят:

– Теперь чёрная женщина три дня будет вокруг чума ходить, принохиваться, тебя искать.

Придётся тебя похоронить. Нэйке от ужаса, чуть в костёр не свалилась.

– Как это похоронить?

– Такой у нас обычай. Раз искра на тебя попала, значит, чёрная женщина тебя выбрала.

– Что вы говорите?! – закричала Нэйке. – Ведь я же живая. Как можно живого человека хоронить?!

– Это тебе только кажется. Снаружи живая, а внутри у тебя давно уже жизни нет, разве ты сама не чувствуешь?

– Да вот же у меня всё движется, – говорит Нэйке и руки-ноги показывает.

– Причём тут руки-ноги. Человек, пока живой, весь должен двигаться, работу делать, а ты ничего не делаешь – лежишь целыми днями, какая тебе разница, где лежать?

Нэйке в голос завывала:

– Я в лесу не нагулялась, в речке не накупалась, с подружками не наигралась. Дайте мне ещё немного пожить, дайте мне на мир поглядеть, я ещё толком ничего не видела!

– А ты бы раньше глядела, пока жила, а теперь что ж... теперь ничего не поделаешь.

Смотрят с жалостью, но от взглядов этих Нэйке только страшней – кажется, что её глазами едят, как раньше мясо и лепёшки ели.

Ночью действительно кто-то заходил возле чума – угли в костре сгребает, принохивается, и бубнит что-то себе под нос. К утру всё стихло, но во вторую ночь опять донеслись шаги и ворчание. На третью ночь приподнялась шкура у входа в чум, и едва различимая в ночи, показалась в проёме женщина в чёрной одежде. Спрашивает сердито:

– Что это у вас делается – везде мертвечиной пахнет. Или закон забыли?!

– Это у нас от пришедшей девочки, – оправдываются хозяева. – Откуда она, мы не знаем, но у них совсем другие обычаи.

– Ваше _____ дело свой обычай исполнять! Чтоб завтра же похоронили!

Утром хозяйка говорит:

– Больше ждать нельзя, итак уж затянули дольше положеного...

И вот лежит Нэйке в чуме, с головой укрывшись оленьей шкурой, а снаружи – «тук, тук, тук». Это гроб ей делают.

Стала Нэйке со слезами умолять сиротку вывести её из этого страшного места.

– Лучше, – говорит, – мне в лесу пропасть, чем заживо в земле сгнить.

Пожалела её сиротка, улучив момент, выбрались они из чума, взяли за руки и побежали. Долго бежали, наконец, дорога пошла вверх. Оказались они у того самого обрыва, с которого Нэйке упала.

Вдруг позади, совсем близко послышался топот и тяжелое дыхание – это чёрная женщина за ними гонится, и вот-вот нагонит, вот-вот схватит. Нэйке скорей сиротку посадила, та из ямы

выскочила и руку ей тянет. Стала Нэйке выбираться, но чёрная женщина схватила её сзади за ноги. Жутко закричала Нэйке, сбросила с ног чирки, и босая наверх выскочила.

Тут и солнце взошло. Побежали девочки прочь от ямы. Бежит Нэйке вслед за подружкой, а солнце всё выше, всё сильнее припекает. Комары Нэйке кусают, ветви кустов по лицу хлещут, сосновые шишки босые ноги колют, корни деревьев пальцы в кровь сбивают. Встретился на пути широкий ручей, Нэйке не посмотрела, что вода холодная – вброд перебежала. И только, когда увидела впереди родное стойбище и отца с матерью, заплакала, но не от боли, а от радости.

– Скажи, Нэйке, - спрашивают её родители, - ты живая или привиделась нам.

– Да живая я, живая, я теперь совсем живая буду, вот увидите!

Начала она рассказывать все, что с ней приключилось, а ей не верят.

– Быть такого не может, чтобы воду выливали не пивши, еду выбрасывали, не евши, а человека живым хоронили.

– А у вас разве по-другому? – удивляется сиротка.

– Конечно. Так, как вы жить нельзя. Вы смерть кормите, а надо жизнь кормить. Оставайся-ка ты лучше у нас.

С тех пор Нэйке и сиротка жили вместе, как две сестрёнки. Сиротка постепенно переняла местные обычаи, приучилась пить, есть и уже ничем не отличалась от других детей. Собаки, правда, поначалу на неё рычали, и олени шарахались, но потом привыкли.

А Нэйке совсем стало не узнать. Не только за собой убирала и матери помогала по хозяйству, даже чужим людям старалась услужить. И рукоделию выучилась – лучшей вышивальщицы, чем она во всей округе было не сыскать. Так золотую звездочку на синей рукавике вышьет, что ночью руку к небу поднимешь – от настоящей звезды не отличишь.